

ТУЛЬСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

8 Сентября

№ 34.

1906 года.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Высочайшая награда.

Всемилостивѣйше пожалованъ въ 3й день февраля сего года орденомъ Св. Анны 3 ст. попечитель церковно-приходской школы при Крестовоздвиженской церкви гор. Тулы, потомственный почетный гражданинъ, Тульский 1-й гильдии купецъ *Александръ Нарезновъ*.

Епархіальная награда.

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Лаврентіемъ, Епископомъ Тульскимъ и Бѣлевскимъ, и. д. псаломщика при церкви села Теплаго, Чернского уѣзда, *Алексѣй Рекордатовъ* 29 Августа с/г. посвященъ въ стихарь и утвержденъ въ занимаемой должности.

Пожертвованія.

Въ пользу духовенства Тульской епархіи, пострадавшаго отъ неурожая, пожертвовали:

- 1) Духовенство Смоленской епархіи чрезъ редакцію Смоленскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей 28 руб. 45 к.;
- 2) духовенство 3-го окр. Остерскаго уѣзда, Черниговской епархіи 19 руб.;
- 3) священно-церковно-служители и старосты церквей Тульской епархіи, 1-го округа церквей гор. Тулы 135 р. 30 коп.;
- 4) Алексинскаго уѣзда: а) 1-го окр. — 4 руб. 35 к.,

- б) 2-го окр.—1 руб. и в) 3-го окр.—50 в.; 5) гор. Бѣлева — 34 руб. 61 коп; 6) Каширскаго уѣзда 4-го окр.—9 р. 20 в.; 7) Новосильскаго уѣзда 2 окр.—3 р. 80 коп.

Разныя извѣстія по епархіи.

Утвержденъ законоучителемъ Богородицкаго земскаго 1—класснаго городского приходскаго училища, священникъ Соборной Троицкой, города Богородицка, церкви *Михаилъ Щелковъ*.

— **Рукоположены:** 6 Августа псаломщикъ с. Малевки, Богородицкаго уѣзда, *Михаилъ Румянцевъ* во подіакона къ Тульскому Каѳедральному Собору и 7 Августа окончившій курсъ Тульской духовной Семинаріи *Николай Мерцаловъ* во діакона къ Тульскому Каѳедральному Собору.

— **Перемѣщены:** священникъ с. Болгарь, Чернскаго уѣзда, *Владиміръ Богословскій* въ с. Богословское, Ефремовскаго у., 23-го Августа, священникъ села Никитскаго, Богородицкаго уѣзда, *Николай Алядинъ* въ с. Пѣтушки, Новосильскаго у., 29 Августа.

— **Опредѣлены на псаломщическія мѣста:** къ Спасо-кладбищенской, г. Тулы, церкви псаломщикъ Курской епархіи *Алексій Рыболовъ* — 27 Августа, къ Боголюбской, гор. Тулы, церкви діаконъ Соборной, гор. Бѣлева, церкви *Александръ Ивановъ* — 27 Августа.

— **Допущенъ къ исполненію обязанъ псаломщика** въ с. Борисово, Каширскаго уѣзда, крестьянинъ *Тригорій Приезденцевъ* — 30 Августа.

— **Уволены отъ должности:** діаконъ с. Глубокъ, Новосильскаго уѣзда, *Александръ Іосифовъ* — 28 Августа и псаломщикъ Боголюбской, г. Тулы, церкви *Алексій Сахаровъ* — 27 Августа.

Циркулярный указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Тульской Духовной Консисторіи, отъ 2-го Августа сего года за № 27, на имя о.о. благочинныхъ епархіи.

Комитетъ Тульскаго Епархіальнаго Священнаго Завода отношеніемъ, отъ 19 Юлія сего года за № 741, увѣдомилъ духовную Консисторію, что, при обзорѣ Его Пребвщенствомъ церквей Бѣлевскаго уѣзда, одинъ изъ церковныхъ старостъ

заявилъ ему, что въ Бѣлевскомъ свѣчномъ складѣ Епархіальнаго завода производится торговля свѣчами не Епархіальнаго завода, а производства частныхъ заводовъ. Для разслѣдованія сего былъ командированъ о. Ключарь, какъ въ складъ, такъ и въ свѣчную лавку при Срѣтенской церкви, но онъ ничего не нашелъ, кромѣ нѣсколькихъ свѣчей, сомнѣнно, производства Епархіальнаго завода, только не имѣющихъ почему то клейма. Доставивъ эти свѣчи въ заводъ для освидѣтельствованія, о. Ключарь передалъ словесное распоряженіе Преосвященнаго: письменно доложить ему по содержанию словеснаго заявленія старосты и о принадлежности отобранныхъ въ складъ свѣчей заводу, или частному производству. На сдѣланномъ Комитетомъ завода 13 Іюля сего года, за № 713, докладѣ, въ которомъ, между прочимъ, прописано: „Комитету завода остается только почтительнѣйше ходатайствовать предъ Вашимъ Преосвященствомъ сдѣлать распоряженіе, чтобы старосты каждый разъ съ квитанціею на купленные свѣчи въ складъ представляли для освидѣльствованія мѣстному священнику и самыя свѣчи, дабы склады избавить отъ нареканій, а старость нѣсколько воздержать отъ покупки свѣчей на сторонѣ по дешевой цѣнѣ“, послѣдовала 14 Іюля сего года, за № 4920, резолюція Его Преосвященства: „согласенъ“. О чемъ духовная Консисторія даетъ знать Вамъ, о. Благочинному, симъ указомъ для свѣдѣнія и объявленія по принадлежности.

Циркулярный указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Тульской Духовной Консисторіи, отъ 23 Августа сего года за № 30, на имя о.о. благочинныхъ епархіи и настоятелей и настоятельницъ монастырей.

Его Преосвященствомъ предложено Консисторіи обсудить, чѣмъ помочь духовенству и церквамъ сгорѣвшаго гор. Сызрани. Консисторія, по обсужденіи сего, постановила и Его Преосвященство утвердилъ: предложить, чрезъ о.о. Благочинныхъ, причтамъ съ церковными старостами епархіи, а равно настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей добровольную подписку для сбора пожертвованій на оказаніе помощи церквамъ и духовенству сгорѣвшаго города Сызрани, съ предписаніемъ имъ собранныя деньги препроводить въ Консисторію не позже 1 Октября с./г. для отсылки таковыхъ по принадлежности.

С М Ъ Т а

расхода на отдѣлку сложенной четвертой части зда-
нія Бѣлевскаго Епархіального женскаго училища.

а) Плотничія работы:

1) Половъ 188 кв. с. въ черту по 1 р. 80 к. саж.	338 р. 40 к.
2) Досокъ для половъ 620 шт. по 1 р. 10 к. доска.	682 р.
3) Наката 188 кв. саж. со смазкою и засыпкою
по 2 р. 35 к.	441 р. 80 к.
4) Лѣса для наката 6862 ар. до 4 верш. толщ.
по 15 к. ар.	1029 р. 30 к.
5) Для подшивки потолка въ 188 кв. саж. теса
5076 арш. по 4 коп. за аршинъ.	203 р. 4 к.
6) За подшивку 188 кв. с. по 35 коп. за саж.	65 р. 80 к.
Итого . 2760 р. 34 к.	

б) Столярныя работы:

1) Дверей съ кругл. верх. 43 пары съ приб. по 23 р.	989 р.
2) Прямыхъ дверей 7 паръ. по 17 руб.	119 р.
3) Полуциркульных шкафовъ 7 шт. по 20 р.	140 р.
4) Полуциркульных оконъ 18 шт. по 25 р.	450 р.
5) Прямыхъ оконъ 16 шт. по 19 р.	304 р.
6) „ шкафовъ 2 шт. по 15 р.	30 р.
Итого . 2032 р.	

в) Каменныя работы:

1) Кирпича для арокъ 27300 .	327 р. 60 к.
2) Работа арокъ по 9 руб. съ тысяча кирпича.	245 р. 70 к.
3) Бетона и бетоннаго пола 32 саж. по 3 руб.	96 р.
4) Цемента—по 8 пуд. на саж.—256 пуд. по
40 коп. пудъ .	102 р. 40 к.
Итого . 771 р. 70 к.	

г) Печная работа:

1) 16 печей по 100 руб. печь.	1600 р.

д) Штукатурная работі . 2000 р.

е) Устройство ватерклизета . 1000 р.

ж) Лѣстница . 1500 р.

А всего 11664 р. 4 к.

РАСЧЕТЪ

уплаты займа въ 10000 руб., изъ 4% годовыхъ, со
взносомъ ежегодно въ уплату %/о и въ погашеніе
долга по 500 руб., въ теченіе 42 лѣтъ,

Годы	Руб.	К.	Годы	Руб.	К.	Годы	Руб.	К.	Годы	Руб.	К.	
			9	500	—	18	500	—	27	500	—	
	10000	—		8941	69		7435	37		5291	41	
	+ %/о400	—		+ %/о357	66		+ %/о297	41		+ %/о211	65	
	10400	—		9299	35		7732	78		5503	6	
1	—	500	—	500	—	19	—	500	—	28	—	500
	9900	—		8799	35		7232	78		5003	6	
	+ %/о396	—		+ %/о351	97		+ %/о289	31		+ %/о200	12	
	10296	—		9151	32		7522	9		5203	18	
2	—	500	—	500	—	20	—	500	—	29	—	500
	9796	—		8651	32		7022	9		4703	18	
	+ %/о391	84		+ %/о346	5		+ %/о280	88		+ %/о188	12	
	10187	84		8997	37		7302	97		4891	30	
3	—	500	—	500	—	21	—	500	—	30	—	500
	9687	84		8497	37		6802	97		4391	30	
	+ %/о387	51		+ %/о339	89		+ %/о272	11		+ %/о175	65	
	10075	35		8837	26		7075	8		4566	95	
4	—	500	—	500	—	22	—	500	—	31	—	500
	9575	35		8337	26		6575	8		4066	95	
	+ %/о383	1		+ %/о333	49		+ %/о263	—		+ %/о162	67	
	9958	36		8670	75		6838	8		4229	62	
5	—	500	—	500	—	23	—	500	—	32	—	500
	9458	36		8170	75		6338	8		3729	62	
	+ %/о378	33		+ %/о326	83		+ %/о253	52		+ %/о149	18	
	9836	69		8497	58		6591	60		3878	80	
6	—	500	—	500	—	24	—	500	—	33	—	500
	9336	69		7997	58		6091	60		3378	80	
	+ %/о373	46		+ %/о319	90		+ %/о243	66		+ %/о135	15	
	9710	15		8317	48		6335	26		3513	95	
7	—	500	—	500	—	25	—	500	—	34	—	500
	9210	15		7817	48		5835	26		3013	95	
	+ %/о368	40		+ %/о312	69		+ %/о233	41		+ %/о120	55	
	9578	55		8130	17		6068	67		3134	50	
8	—	500	—	500	—	26	—	500	—	35	—	500
	9078	55		7630	17		5568	67		2634	50	
	+ %/о363	14		+ %/о305	20		+ %/о222	74		+ %/о105	38	
	9441	69		7935	37		5791	41		2739	88	

Годы	Руб.	К.	Годы	Руб.	К.	Годы	Руб.	К.	Годы	Руб.	К.				
36	—	500	—	38	—	500	—	40	—	500	—	42	—	17	63
	+	2239	88		+	1402	64		+	497	8			00	00
		0/089	59			0/056	10			0/019	88				
		2329	47			1458	74			516	96				
37	—	500	—	39	—	500	—	41	—	500	—				
		1829	47			958	74			1696					
	+	0/073	17		+	0/038	34			0/0—	67				
		1902	64			997	8			17	63				

Погасится
в 42 года.

Вакантныя мѣста.

а) Священническія при церквахъ.

1) Села Успенскаго-Кобылинки, Богородицкаго у., съ 30 Ноября 1905 г. Земли церковной 340 д. Прихожанъ м. п. 1930. Причта положено быть: 2-мъ священникамъ, диакону и 2-мъ псаломщикамъ; причтъ получаетъ % со 100 руб.

2) Села Малевки, Богородицкаго уезда, Земли цер. 42 дес. Прихожанъ м. п. 4514. Причта положено быть: тремъ священникамъ, диакону и тремъ псаломщикамъ; причтъ получаетъ % въ годъ 12 руб.

3) Села Сахаровки, Богородицкаго у., съ 11 Апрѣля сего года. Земли ц. 36 дес. Прихожанъ м. п. 470. Причта положено быть: священнику и псаломщику.

4) При Троицкой церкви сел. Серебряныхъ Прудовъ, Веневскаго у., съ 12 Юня с./г. Земли церк. 35½ дес. Прихожанъ м. п. 1373. Причта положено быть: двумъ священникамъ и двумъ псаломщикамъ.

5) Села Таболы, Епифанскаго у., съ 30 Юня сего года. Земли ц. 36 дес. Прихожанъ м. п. 847. Причта положено быть: священнику и псаломщику. Для причта имѣется помещеніе.

6) Села Нефедьева, Каширскаго у., съ 17-го Юля с/г. Земли церковной 36 дес. Прихожанъ м. п. 161. Причта положено быть: священнику и псаломщику.

7) Села Суровъ, Новосильскаго уѣзда съ 10 Августа (с/г. Земли церковной 46 дес. 1543 кв. саж. Прихожанъ м. п. 1746. Причта положено быть: двумъ священникамъ, діакону и двумъ псаломщикамъ.

8) Села Нивитскаго, Богородицкаго уѣзда съ 28 Августа сего года. Земли церковной 36 дес. Прихожанъ м. п. 4416. Причта положено быть: тремъ священникамъ, діакону и тремъ псаломщикамъ; причтъ получаетъ 10/0 съ капитала въ 1500 р.

б) **Діаконскія при церквахъ:**

1) Села Кириллова, Новосильскаго уѣзда съ 21 Февраля сего года. Земли церковной 40 дес. 1320 кв. саж. Прихожанъ м. п. 1203. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику.

2) Села Карамышева, Крапивенскаго уѣзда, съ 5 Марта. Земли церк. 32 дес. 1011 кв. саж. Прихожанъ м. п. 1353. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику.

3) Села Покровскаго Голуни, Новосильскаго уѣзда, съ 12 Марта. Земли церковной 63 дес. Прихожанъ м. п. 1562. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику.

4) Села Клекотокъ, Епифанскаго уѣзда, съ 24 Апрѣля сего года. Земли ц. 34 дес. 2235 кв. с. Прихожанъ м. п. 1332. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ 0/0 съ капитала въ 4942 руб.

5) Села Ямской Слободы, Новосильскаго уѣзда, съ 3 Апрѣля. Земли ц. 68 дес. 400 кв. саж. Прихожанъ м. п. 1232. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику.

6) Села Горячкина, Крапивенскаго уѣзда, съ 5 Мая. Земли ц. 37 дес. 391 кв. саж. Прихожанъ м. п. 1236. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ 0/0 съ капитала въ 2930 руб.

7) При Успенской, г. Бѣлева, церкви съ 29 Апрѣля. Земли ц. 72 дес. 1867 кв. с. Прихожанъ м. п. 280. Причта положено быть: священнику, діакону и псаломщику; причтъ получаетъ 0/0 въ годъ 131 руб. 80 коп.

8) Села Вышняго-Костомарова, Крапивенскаго уѣзда, съ 15 Мая. Земли ц. 36½ д. Прихожанъ м. п. 1578. Причта положено быть: двумъ священникамъ, діакону и 2-мъ псаломщикамъ; причтъ получаетъ 0/0 съ капитала въ 2209 р. 67 к.

9) Села Орловки-Троицкаго, Епифанскаго уѣзда, съ 12-го Юля. Земли церк. 33 дес. Прихожанъ м. п. 1127. Причта положено быть: священнику, діакому и псаломщиву.

10) Села Никольскаго-Бредихино, Новосильскаго у., съ 22-го Августа. Земли ц. 41 дес. 2378 кв. саж. Прихожанъ м. п. 1186. Причта положено быть: священнику, діакому и псаломщиву; причтъ получаетъ $\frac{0}{100}$ въ годъ 41 р. 80 к.

11) Села Глубокъ, Новосильскаго у., съ 28-го Августа с/г. Земли церковной 125 дес. 408 кв. саж. Прихожанъ м. п. 1485. Причта положено быть: двумъ священникамъ, діакому и двумъ псаломщикамъ.

12) При Соборной, г. Бѣлева, церкви съ 27-го Августа с/г. Земли церковной 114 дес. 156 кв. саж. Прихожанъ м. п. 226. Причта положено быть: протоіерею, діакому и псаломщиву; причтъ получаетъ $\frac{0}{100}$ съ капитала въ 4983 руб. Для діакона имѣется церковное помѣщеніе.

г) Псаломщическія при церквахъ

1) Села Никитскаго, Богородицкаго уѣзда, съ 11-го Августа с/г. Земли церковной 36 дес. Прихожанъ м. п. 4416. Причта положено быть: 3 священникамъ, діакому и 3 псаломщикамъ; причтъ получаетъ $\frac{0}{100}$ съ 1500 руб.

2) Села Сныхова, Бѣлевскаго у., съ 22-го Августа с/г. Земли ц. 45 дес. 1350 кв. с. Прихожанъ м. п. 665. Причта положено быть: священнику и псаломщиву; причтъ получаетъ $\frac{0}{100}$ въ годъ 7 руб. 60 коп.

ТУЛЬСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

8 Сентября.

№ 34.

1906 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Русскій народный идеаль.

историко-психологическій этюдъ.

— Вѣрные сыны Россіи! Царь вашъ призываетъ васъ, какъ отецъ своихъ дѣтей, сплотиться съ Нимъ въ дѣль обновленія и возрожденія нашей святой родины! —

Височайшій манифестъ 9-го Юля
1906 г.

Всѣмъ, по собственному, постоянному внутреннему опыту извѣстно, что есть впечатлѣнія и ощущенія, а потомъ и вообще душевныя состоянія, пріятныя и непріятныя, — такъ что легко можно представить себѣ всю душевную дѣятельность и даже пѣлую жизнь съ одной стороны пріятною, съ другой непріятною.

Само собою понятно, что какъ отдѣльное впечатлѣніе или ощущеніе, такъ и вся совокупность одного рода впечат-

лѣній въ извѣстной области предметовъ, а слѣдовательно, и—одна сторона цѣлой жизни также могутъ быть пріятны то въ большей или меньшей мѣрѣ полноты, то въ большей или въ меньшей степени напряженія. Отсюда—

Если мы представимъ хорошую сторону чьей-либо дѣятельности или жизни пріятною въ высшей степени, то она, только такъ представляемая и въ такой ея степени, есть именно *идеальная*; а лицо, въ жизни котораго она проявляется и усматривается въ наивысшей степени, есть ея идеальный выразитель или *идеаль*.

Такъ необходимо усматривается идеальность и ея опредѣленный образъ—идеаль; такъ онъ можетъ усматриваться на почвѣ психологической и въ области исторической жизни—какъ отдѣльнаго лица, такъ и цѣлаго народа.

Въ самомъ дѣлѣ, если идеальное умозрѣніе доступно каждому отдѣльному человѣку въ его самонаблюденіи, то доступно оно и для каждаго отдѣльнаго семейства, общества, народа и—государства. Иначе говоря: если можетъ быть какой либо идеаль для человѣка, то онъ можетъ быть и для народа, а точнѣе сказать—*идеаль для народа не можетъ не быть*.

Конечно, если идеальность по частямъ открывается въ той или другой сторонѣ дѣятельности, то вполнѣ она раскрывается въ цѣлой исторической жизни. То есть: Идеальность должна просвѣчивать въ исторической жизни съ разныхъ сторонъ ея; или—присутствіе народнаго идеала въ исторической жизни должно обнаруживаться во всѣ выдающіяся эпохи и при всѣхъ общенародныхъ событіяхъ исторіи данаго народа, когда въ этихъ эпохахъ сказывается особенно напряженная и сознательная дѣятельность народной души. Такъ это должно быть и такъ это дѣйствительно есть и въ народѣ русскомъ,—что именно и показываетъ его исторію. Указать это въ исторіи можно тѣмъ болѣе, что идеаль никогда не мѣняется, ни человѣкомъ, ни народомъ, произвольно, по капризу, а видоизмѣняется или замѣняется, или подмѣняется другимъ подѣ сильнымъ или даже прямо насильственнымъ воздѣйствіемъ со стороны другого человѣка или народа, болѣе мощнаго тѣлесно или духовно, и—въ роковые удары неотразимыхъ историческихъ переворотовъ.

Возможность найти и указать народный идеаль, однако, не исключаетъ трудности его находженія въ жизни цѣлаго народа, особенно—въ исторической жизни народа русскаго,

съ его особымъ началомъ государственности, со столь особенными обстоятельствами и переменами въ его жизни, неожиданными, даже чрезвычайными до неестественности. При этомъ—наибольшая трудность относится къ началу дѣла, къ познанію начала исторической жизни русскаго народа.

Но, какъ начало самой жизни народа, такъ источникъ его исторіи, а вмѣстѣ и черты его идеаловъ кроются во времени, которое непосредственно предшествуетъ его историческому бытію, т. е. когда народъ существуетъ еще въ видѣ извѣстнаго, болѣе или менѣе тѣснаго, союза племенъ, на томъ пространствѣ, какое становится потомъ его національной территоріей и ареной исторической жизни.

Такъ, въ видѣ раздѣльныхъ и многихъ племенъ существовалъ нѣкогда и народъ Русскій. Несомнѣнно, что уже и въ то время зарождался въ душѣ, хотя и не опредѣлялся въ сознаніи русскаго народа его идеалъ, который слагался и проявлялся потомъ уже ясно и рѣшительно.

I.

Какъ зарождался русскій народный идеалъ?—

Съ тѣхъ поръ, какъ русскій народъ сталъ о себѣ говорить письменно, а слѣдовательно, и сознать себя особымъ народомъ, онъ сохранилъ извѣстіе, что онъ дѣлился на многія племена, изъ которыхъ, слѣдовательно, онъ и слился. Но, вѣдь, каждое племя, живущее сколько-нибудь обособленно, есть, въ сущности, также маленькій народецъ. Въ такомъ народцѣ, какъ въ одной семьѣ—все едино: одна кровь, одинъ типъ лица, одна рѣчь, одинаковая даже въ произношеніи отдѣльныхъ словъ, въ интонаціи, одна семейная организація, съ ея привычной обстановкой, и все завершающая единая власть. Иначе говоря, народецъ—племя представляетъ собою одинъ, совершенно цѣльный, организмъ, съ одной головою и одной душою.—Самая народность такого народа опредѣляется его племеннымъ единствомъ—родствомъ; а всѣ отправления его общей или однородной среды опредѣляются единой или единоличной властью его главы—родоначальника. Онъ опредѣляетъ по существу все то, что хорошо и плохо, приятно и неприятно, иначе—въ этомъ племени-народцѣ все опредѣляется идеаломъ его родоначальника. При этомъ родительская воля и власть, съ одной стороны, а сыновняя покорность и подчиненность ей всѣхъ, съ другой, составляютъ то лучшее, что безусловно возвышается надъ всеми другими ин-

тересами племени-народца, что ни чѣмъ инымъ не замѣнимо и потому не только дорого, но и свяшенно.

Такъ, въ естественномъ преобладаніи только старшаго, по его старшинству, а не въ равенствѣ всѣхъ, и является залогъ счастья или — *идеальная* сторона общественной жизни народца-племени. Отсюда —

Идеаль народа-племени, зарождающійся естественно въ самой родовой или семейной — кровной его связи, неизбежно есть его *патріархальная власть*, созидаящая и охраняющая свою семью, свое гнѣздо, иначе — *семейственность* народа.

Если, — какъ это естественно и неизбежно, — разныя семейства соприкасаются, сталкиваются, сродняются, объединяются и, наконецъ, сливаются въ одно племя; то и племена такимъ же образомъ сливаются потомъ въ одинъ народъ, неизбежно — непременно имѣющій одни и тѣже свойства и одну идеализацію сторонъ жизни, которую имѣли слившіяся въ этотъ народъ племена. Отсюда — *идеальная семейственность* племени становится характеристикой идеала народности, возникшей изъ этого племени чрезъ полное объединеніе всѣхъ его родовъ.

Также и многіе славяно-русскіе роды и племена, жившіе въ до-историческое время отдѣльно, должны были придти и пришли въ единеніе — въ единый народъ, сохранивъ свой идеаль — семейственность.

II.

Что же и какъ объединяло племена и роды славяно-руссовъ?

Сношенія между двумя и многими сосѣдними родами и племенами съ теченіемъ времени должны были возникать необходимо; къ такимъ сношеніямъ побуждали: размноженіе членовъ рода, торговыя сношенія, разбирательство въ случаѣ смѣшанныхъ споровъ, общія бѣдствія и опасности и — самое принудительное, это — опасность со стороны общихъ враговъ — сосѣдей.

Окруженные многими, различными и постоянно враждебными народами, славяно-русскія племена чувствовали общую опасность, противъ которой было на первыхъ порахъ единственное средство — соединеніе всѣхъ родовъ въ одну общину — племя противъ общаго врага. Именно это средство, а не союзъ съ иноплеменными сосѣдями, было болѣе удобно, потому что при этомъ менѣе возможна была измѣна, ибо

тамъ былъ большой интересъ защиты—родство племенное; а отсюда—и большее удобство защиты, при единствѣ языка, единствѣ народныхъ обычаевъ и преданій, что основано на единствѣ религіи, и—при единствѣ внѣшнихъ формъ жизни—при единствѣ быта. Такое единство, понятно, составляло значительную и прочную внутреннюю силу. И самая опасность, угрожавшая этой силѣ, только закаляла ее. — Въ этой-то внутренней силѣ—объединенности родовъ, поэтому, и видѣлась непременно идеальная сторона для самой общины.

—, Благодаря болѣе позднему столкновенію славянъ восточныхъ съ сильнѣйшими и образованнѣйшими относительно ихъ народами, благодаря отдаленности занятой ими области отъ остального историческаго міра, у славянъ восточныхъ родовой бытъ удержался нѣсколько долѣе, нежели у другихъ. При этомъ должно замѣтить, что характеръ родового быта не отличался особенною сложностью и не противорѣчилъ быту общинному, возникшему позднѣе и отличавшемуся отъ него началомъ договорнымъ. Родовое владѣніе имѣло много общихъ признаковъ съ общиннымъ и, во всякомъ случаѣ, ни то, ни другое не переходило въ древности за границы племенныхъ различій, подчиняясь общимъ требованіямъ, вытекавшимъ изъ начала народности¹⁾.

Какъ въ родовомъ, такъ и въ племенномъ быту выразились тѣ же внутреннія силы, которыми надѣлены были племена, давшія исторію нашей странѣ; въ формахъ того и другого быта проявилось то духовное содержаніе, которое таилось въ первобытныхъ, природныхъ свойствахъ этихъ племенъ. Формы эти проникнуты религіозными воззрѣніями, поэтическими отношеніями къ внѣшнему міру и къ самому человеку, безъ которыхъ не явилось на лицѣ земли ни одного человека. Такія вѣрованія и поэтическія воззрѣнія, общія племенамъ, составляли ихъ неотъемлемое достояніе и самое дорогое, въ смыслѣ интереса охраны—защиты, слѣдовательно, и самую главную *основу* объединенія. А патриархальный бытъ восточныхъ славянъ основанъ былъ именно на такихъ вѣрованіяхъ; и первоначальный славянский родъ связанъ былъ не одними только узами крови, но и общими религіозными представленіями, или—узами родовой религіи.

¹⁾ Ср. Проф. Ниль Поповъ. О значеніи Германскаго и Византійскаго вліяній на русскую историческую жизнь въ первые два вѣка ея развитія. Рѣчь. Москва. 1871 г. Стр. 6—8-я.

Родоначальники имѣли не только значеніе старѣйшинъ и влaстителей, но и значеніе жрецовъ, хранителей родовыхъ обычаевъ и преданій. Сильны были и физическія условія, связывавшія между собою родичей, даже послѣ того, какъ родъ разрослся и начиналъ дѣлиться; но еще сильнѣе сказывалось въ этомъ вліаніе общихъ имъ всѣмъ вѣрованій и обрядовъ жизни. А потому власть общественная и кровная обязана была слѣдовать указаніямъ давнихъ обычаевъ и была соблюдаема всѣми старшими членами рода: на родовые обычаи, въ основѣ коихъ лежала религія, не могъ посягать ни одинъ старѣйшина, вѣровавшій въ непреложность ихъ паровъ со всѣми родичами. ²⁾

III. ³⁾

Но если главною основой родового и племенного объединенія была общая родовая и племенная религія, то она же обосновывала единеніе племенъ и при вступленіи ихъ въ стадіи городского, а затѣмъ и государственнаго быта.

Когда соединенія родовъ были вызываемы внѣшнею опасностью и, подъ давленіемъ этого условія, роды составляли общій союзъ—общину, то строились укрѣпленія на удобныхъ мѣстахъ, куда укрывались всѣ слабые и откуда иногда защищались отъ враговъ всѣ, способные носить оружіе. И если, по поводу общей опасности, вызывалось единеніе религіозное, то укрѣпленныя мѣста служили и для общихъ жертвоприношеній. Такіе первобытные города, точнѣе—городища были святилищами племенъ, еще болѣе, конечно, охранявшими единство оныхъ. Восточные славяне имѣли не только такіе, но и большіе города, еще прежде, чѣмъ заговорили о нихъ историческіе памятники; а волости, заселенныя родами одного и того же племени, назывались или по имени самого племени, или по имени главнаго города въ землѣ. ³⁾

Такая племенная связь, опиравшаяся на единство городов-святилищъ, была первой государственной формой славяно-русской народности, въ которой, очевидно, преобладалъ характеръ патриархальности или—идеаль семейственности въ строѣ общины.

Но, такъ какъ въ семействѣ высшая власть принадлежитъ отцу, а въ племени—старѣйшинѣ, родоначальнику, то

²⁾ Проф. Н. Поповъ. Тамъ-же, стр. 7—8-я. ³⁾ Проф. Н. Поповъ. Тамъ-же, стр. 9—10.

въ народной общинѣ изъ многихъ племенъ она должна была необходимо принадлежать или *многимъ* представителямъ, равнымъ по старшинству, т. е. совѣту старѣйшинъ (— у Грековъ „герусія“), или *одному* лицу, но *высшему* надъ всѣми, т. е. князю, суди, царю. — Понятно, въ томъ народѣ, у котораго преобладалъ идеалъ семейственности, нѣсколькихъ равноправныхъ властителей быть не должно, — долженъ былъ быть *одинъ* представитель власти, — того требовало самое *объединеніе* племенъ въ одну семейную общину; и власть такого одного властителя должна была стать непременно высшею надъ всѣми безъ исключенія, — чтобы на него могъ быть перенесенъ священный авторитетъ власти *отца* — родоначальника; это — власть князя-отца.

Такимъ представителемъ власти, какъ „князь-отецъ“, могъ быть или свой, родной, народный избранникъ — по праву старшинства, по личной доблести, или — при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, — избранный всѣми другими представителями власти и соискателями ея, какъ высшій надъ всѣми, но *не изъ своихъ*.

Славяно русскій народъ, слившійся изъ племенъ, хотя и родственныхъ, но во многомъ различныхъ, искони имѣлъ естественную склонность въ сторону идеальной семейственности, а потому всегда былъ склоненъ къ признанію авторитетной *отеческой* власти князя-родоначальника; но, затрудняясь выборомъ такого князя изъ своей среды, т. е. не находя между равными несравненно достойнѣйшаго быть у власти надъ всѣми, народъ вынужденъ былъ избирать себѣ князя, коему безусловно могли бы подчиниться всѣ въ ровнѣ, т. е. князя *изъ чужихъ*, которому, по самой его независимости, должны были подчиниться одинаково всѣ покорно — беспорно. Такъ это и было, по свидѣтельству древнѣйшей лѣтописи.

По сказанію лѣтописи, родоначальники славянскихъ племенъ посылали пословъ къ Варягамъ съ предложеніемъ — *придите княжить*. Суть этого сказанія не въ томъ, къ кому или куда посылали, а въ томъ, что славяне, для водворенія у себя порядка, требовали *беспорной* власти и для сего остановились на избраніи — приглашеніи представителей оной *со стороны*, такъ, чтобы такая власть для остальныхъ ея соискателей уже была именно беспорна.

Само собою понятно, что на князя, избраннаго *не изъ своихъ*, но избраннаго *вмѣсто* своего отца-родоначальника, такъ какъ прежде у cadaго племени былъ именно свой родоначальникъ, какъ *отецъ*, естественно должно было перенести

и авторитетъ власти именно *отеческой*, т. е. *безусловной*, коей подчинялись бы *всѣ* племена, какъ подчинялось прежде каждое племя своему родоначальнику. А такая власть должна была стать и пребывать *единою* и *верховною*. Такова и была власть первыхъ князей русскихъ.

IV.

Семейный, родовой и общинный бытъ, смѣняясь одинъ другимъ, а лучше — переходя одинъ въ другой, наконецъ, съ призваніемъ власти *со-внѣ*, достигли степени государственнаго быта, въ его первоначальной стадіи развитія, именно быта *княжескаго*.

Хотя этотъ княжескій бытъ слагался у нашего народа подъ непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ быта дружиннаго, тѣмъ не менѣе и при этомъ народный бытъ сохранилъ въ себѣ непоколебимо — неизмѣннымъ характеръ *отъ семейный, родовой, патриархальный*, какъ существенно народный характеръ, со всѣми его лучшими или идеальными чертами. И это понятно.

Какъ бы ни была сильна припаянная вышняя власть, ея воздѣйствіе не могло измѣнить существенныхъ свойствъ народнаго духа, прирожденныхъ ему; а слѣдовательно, и — его понятій, на коихъ основаны нравы, лежащія въ основаніи обычаевъ, служившихъ законами, на которыхъ зиждился весь строй жизни. Вотъ почему русский народъ, и получивъ княжескую власть *со-внѣ*, оставался въ существѣ своего быта съ характеромъ исконной семейственности. Это — идеальная сторона его жизни. Она сохранилась также и до второй стадіи развитія государственности, когда княжество стало царствомъ. — Почему же?

Прежде всего, первые князья не были завоевателями, а были *призваны*: имъ русскія племена покорялись добровольно, и не только первымъ князьямъ, но и послѣдующимъ. Объ Олегѣ летописецъ пишетъ, что онъ сказалъ Родимичамъ: „платите мнѣ дань, а не Козарамъ“, и — тѣ охотно согласились. Не сразу, конечно, и не всѣ племена съ такимъ доверіемъ относились къ представителямъ новой власти и не всѣ одинаково охотно — добровольно подчинялись ей, но съ теченіемъ времени, подчинялись, однако — отнюдь не теряя своего *идеала* — семейнаго характера народной жизни. И это особенно очевидно въ томъ, что пришлые Варяги должны были слиться съ народомъ и слились, и притомъ — въ главномъ, именно, въ религіи, т. е. въ томъ, что составляетъ главную

основу общенія членовъ и въ родовомъ быту, такъ какъ религія служила основой нравовъ, обычаевъ—законовъ и пр. Такому слянію и въ этомъ способствовалъ самый духъ дружиннаго быта самихъ Варяговъ,—непрочность ихъ религиозныхъ вѣрованій, отсутствіе твердыхъ религиозныхъ убѣжденій. „Еслибы Варяги пришли къ славянамъ съ своими вѣрованіями, со своими божествами, то не могли бы такъ скоро подчиниться вліянію туземной религіи, какъ это съ ними случилось. Уже при Олѣгѣ Варяги поклоняются славянскому богу Перуну, клянутся имъ и приносятъ жертвы ему вмѣстѣ съ славянскимъ же богомъ Велесомъ. При Владимірѣ ставится въ Кіевѣ изображеніе Перуна и *самъ князь* приноситъ предъ нимъ жертву“.

При такомъ сляніи князей—варяговъ съ народомъ славяно-русскимъ въ ихъ религіи, понятно, что и на князя естественно было перенести представленіе о носителѣ той власти, какаѣ была на старѣйшинѣ въ родѣ и племени,—свободно перенести *всю* власть. И князь, дѣйствительно, сталъ главой своего народа, единымъ съ нимъ по духу,—объединился съ народомъ въ существенныхъ основахъ его жизни.— „Всѣ племена, постепенно, одно за другимъ, стали признавать въ лицѣ великаго князя общаго главу и стали платить ему дань“, подчиняясь княжеской власти, какъ власти отца, верховной, непрекословной. 4)

Но если такое отношеніе народа къ князю, точнѣе—единеніе съ нимъ установилось, главнымъ образомъ, благодаря *религиозному* единенію ихъ, то понятно, что такое отношеніе—единеніе должно быть тѣмъ тверже, чѣмъ эта основа выше по характеру и глубже залегаетъ въ душѣ народа. А таково именно христіанство. Оно, дѣйствительно, и создало наиболѣе твердое единеніе князя съ народомъ и осватило наивысшій авторитетъ княжеской власти. А такъ какъ религіозность вообще служила основной характерной чертой семейнаго—родового быта, то христіанство еще болѣе осватило и самый патриархальный бытъ народа, т. е. народный *идеалъ*.

V

Въ народѣ, единомъ по крови, но слившимся все же изъ многихъ отдѣльныхъ племенъ, непремѣнно—для прочнаго единенія его—долженъ быть и *духъ единый*, т. е. должна быть

4) Ср. Проф. Н. Поповъ. Тамъ же, стр. 7—9. 15. 23.

у всего народа совершенно одна и таже религія. А такого полнаго единства въ религіи языческихъ славянъ не было; слѣдовательно, при объединеніи ихъ въ одинъ народъ, должна была быть иная религія и высшая надъ всѣми прежними, и слѣдовательно, безспорно лучшая, нежели вѣра каждаго отдѣльнаго племени, слѣдовательно — только та, которая была бы принята *со-внѣ*. А такую вѣру нужно было найти избрать. И самое избраніе религіи должны были совершить старшіе въ родѣ, дѣлъ, бабка, отецъ... Такъ это и было, по сказанію лѣтописи. Избрана была новая и лучшая вѣра — княземъ, и одобрена его совѣтомъ, потому что эту вѣру приняла его мудрая бабка, княгиня-христіанка Ольга. Современникъ вел. кн. Ярослава 1-го, Киевскій митрополитъ Илларионъ, въ своемъ знаменитомъ „Словѣ о законѣ и благодати“, восхваляя вел. кн. св. Владиміра, говоритъ о немъ: „Ты утвердилъ Вѣру съ бабкою твоею Ольгою, принесши крестъ изъ новаго Іерусалима, города Константинова, и поставивъ его на землѣ своей“.⁵⁾

Дѣло, опять, не въ томъ, гдѣ кн. Владиміръ окончательно рѣшилъ вопросъ о новой вѣрѣ, а въ томъ, что вѣра была избрана, и притомъ — *на сторонѣ*, а главное — *княземъ*, который отнынѣ сталъ въ собственномъ смыслѣ *крестнымъ отцомъ* своего народа, одинаго съ нимъ уже не по крови, а по духу, что для общенія съ народомъ важнѣе.

Для единства духа народнаго вѣру нужно было избрать, но — *какую?* — безъ сомнѣнія, ту, которая ближе стояла къ народному идеалу — къ его семейственности, и могла лучше служить полнѣйшему внутреннему *объединенію* всѣхъ и каждаго, кто бы онъ ни былъ и въ какомъ бы состояніи ни находился. А такому идеалу болѣе другихъ религій соответствовало именно христіанство, съ его основнымъ ученіемъ о *возрожденіи* челоуѣка „во имя *Отца* и *Сына* и *Святаго Духа*“. Вступая въ церковь Христову, чрезъ крещеніе, челоуѣкъ, по ученію Христовой вѣры, *умиралъ* для старой, грѣховной жизни и *рождался* въ жизнь новую и святую, слѣдовательно, вступалъ въ *родство* съ Богомъ, въ Его святое семейство. Отсюда — главное понятіе о Богѣ, какъ *Отцѣ*, и о вѣрующихъ, какъ Его *дѣтяхъ* и братьяхъ Его Единороднаго Сына, единыхъ съ Нимъ по *крови*, а чрезъ Него и съ Богомъ — въ таинствѣ Приобщенія, а слѣдовательно — и понятіе о Церк-

⁵⁾ Памятники духовной литературы временъ великаго князя Ярослава I. Москва. 1844. Стр. 77-я.

ви Христовой, какъ о единомъ Семействѣ Бога Отца и Его Сына, гдѣ *все* члены, безъ исключенія, искренно объединяются внутренней силой Святаго Духа и сдиной кровію Единороднаго Сына Божія.

Такому единенію вѣрующихъ въ церкви соотвѣтствуетъ и молитвенное обращеніе ихъ и къ Богу, какъ Отцу въ главной изъ молитвъ, въ Молитвѣ Господней „Отче нашъ“, и къ Спасителю, какъ Сыну Божию и брату, и — къ Пресвятой Дѣвѣ, какъ Матери Сына Божія и всего рода христіанскаго.

Итакъ, если и государство, — по представленію о немъ народа есть семейство единаго князя отца и его первороднаго сына-наслѣдника; то и церкви есть единое семейство Бога Отца и Его Единороднаго Сына. Различны онѣ только въ ихъ характерѣ: одно мірское, житейское, временное, а другое — божественное, свѣтое, вѣчное; но то и другое соединены такъ тѣсно, какъ тѣло съ душой. Это, во первыхъ, семейство народное — русское, во вторыхъ, православное — церковное; оно и есть — православно-русскій народъ: его проникаетъ единый духъ, единый законъ святой правды Божіей. Посему и Русь всегда должна была сознать и дѣйствительно сознала себя единымъ семействомъ Божиимъ по вѣрѣ и вся называлась святою. Такъ это и совершилось и оправдывалось съ самаго начала принятія христіанства народомъ и при послѣдующемъ развитіи его исторической жизни.

Имѣется неоспоримый памятникъ древности и превосходный свидѣтель того, какъ древне-русское общество должно было представлять и представляло себѣ своего великаго князя, послѣ принятія имъ христіанской вѣры, — въ отношеніи его къ своему народу. Митрополитъ Кіевскій и первый митрополитъ изъ русскихъ, Илларионъ, въ своемъ „Словѣ о законѣ и благодати“ даетъ видѣть это представленіе совершенно опредѣленно. Воспоминая о кн. Владимірѣ, въ святомъ крещеніи Василии, и похваляя его, М. Илларионъ говоритъ: „Тебя же какъ восхвалимъ, досточтимый и славный Отецъ нашъ, премужественный между владыками земными, Василий? Какъ можемъ надивиться твоей доблести, крѣпости и силѣ? какую воздадимъ благодарность за то, что чрезъ тебя познали мы Господа и избавились заблужденія идольскаго, что по твоему повелѣнію по всей землѣ нашей славится Христосъ?“⁶⁾ —

⁶⁾ Памятники дух. лит. времянь вел. кн. Ярослава I. Москва. 1844. Стр. 73-я.

Итакъ, князь Владиміръ сталъ для своего народа *отцомъ*, по его повелѣнію даже принята и распространилась Вѣра Христова.

Совершивъ крещеніе славяно-русскаго народа, и самъ кн. Владиміръ долженъ былъ *сознать*, что съ этого момента между нимъ и крещенымъ народомъ установилась нерушимая и высшая связь—духовная, и въ духовной области высшая—религіозная, иначе—*святая и вѣчная связь*. А при этомъ сознаниіи Владиміръ необходимо долженъ былъ и *почувствовать* это свое духовное родство съ народомъ и—какъ всякое высокое и сильное чувство—выразить и это свое чувство духовнаго родства съ народомъ въ жизни, иначе—выразить отеческое чувство христіанской любви къ народу въ своихъ дѣлахъ. И вотъ, М. Илларионъ, вспоминая и свидѣтельствуя о Владимірѣ, восклицаетъ: „Кто изобразить множество твоихъ милостынъ и щедротъ, которыя ты *днемъ и ночью* оказывалъ убогимъ, сирымъ, болящимъ, обремененнымъ долгами, вдовамъ и всѣмъ просящимъ милости?..“ И это свидѣтельство рѣшительно подтверждается лѣтописцемъ. Онъ говоритъ о св. Владимірѣ: „Повелѣ (кн. Владиміръ) всякому нищему и убогому приходити на дворъ княжъ и взимати всяку потребу, питье и яденье и отъ скотницъ кунами. Устрой же и се, рекъ: яко немощнии и больнии не могутъ долѣсти двора моего. Повелѣ, пристроити кола; въскладше хлѣбы, мяса, рыбы, овощъ разноличнии, медъ въ бочелкахъ, а въ другихъ квась, возити по городу въпрошающимъ; кде больнии и нищъ немогый ходити? Тѣмъ раздаваху потребу.“⁷⁾

Это ли не истинно *отеческія* отношенія князя къ своему народу? А отсель—такой князь, очевидно—*идеальный народный князь*.

Если такъ, по принятии вѣры Христовой, князь сталъ отцомъ своего народа, то тѣмъ болѣе долженъ былъ стать отцомъ духовнымъ и дѣйствительно таковымъ былъ представитель церкви, особенно стоящій во главѣ ея, Митрополитъ всея Руси. И князь самъ относился къ представителямъ церкви именно какъ къ *отцамъ*.—М. Илларионъ говоритъ о кн. Владимірѣ: „Подражатель великаго Константина, равный ему умомъ, равный любовію ко Христу и почитаниемъ служителей Его! Тотъ со святыми Отцами Никейскаго Собора поло-

⁷⁾ Памятники дух. лит. временъ вел. кн. Ярослава I. Москва. 1844. Стр. 75. 89—90-я.

жилъ законъ людямъ; а ты, часто собираясь съ новыми отцами, нашими Епископами, съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ ними, какъ уставить законъ сей среди людей, недавно познавшихъ Госнода“.⁸⁾—Такимъ образомъ, очевидно, единеніе князя съ епископами, къ съ отцами, обусловливало порядокъ и въ жизни народа. Такъ это было при Владимірѣ, такъ, и еще болѣе, потомъ, когда эти отношенія укрѣплялись соборами, церковными и земскими.

VI.

Итакъ, еще въ началѣ русской исторіи вполнѣ твердо опредѣлился идеалъ русскаго народа, это—его *семейственность*, съ одной стороны—гражданская, мірская, съ другой—церковная, священная. Этотъ идеалъ и проникаетъ всю историческую жизнь русскаго народа искони его народнаго бытія и до сего дня, находя наивысшее выраженіе въ единеніи представителей власти, свѣтской—въ князѣ, потомъ и царѣ, а духовной—въ митрополитѣ, потомъ и патриархѣ. Царь былъ какъ бы отецъ народа по плоти, патриархъ—по духу: Царь—патриархъ мірской, а патриархъ—царь духовный.

Самая крѣпость этого семейственнаго, въ высшей степени благодѣтельнаго для народа, идеальнаго единенія его охранялась единою властью, — единой по происхожденію и преемству, единой по священному своему авторитету.

Прямые наслѣдники перваго князя—Рюрика усвоили понятіе о своей власти, какъ именно наслѣдственной—родительской. Объединивъ прежде трое-частную власть трехъ братьевъ въ однихъ своихъ рукахъ, Рюрикъ передалъ ее, какъ *единую* верховную власть, своимъ роднымъ преемникамъ и затѣмъ—въ наслѣдіе всѣмъ „рюриковичамъ“. Эти преемники, раздѣляя власть, и при жизни и по смерти, между своими наслѣдниками, всегда отличали старшаго—набольшаго надъ всѣми и внушали младшимъ братьямъ слушаться старшаго, именно *какъ отца*.—Вмѣстѣ съ тѣмъ, соотвѣтственно дѣленію власти, они и землю дѣлили на части—*волости*, иначе—*области*, т. е. *власти*,—также, какъ и свое имущество. И князья—наслѣдники, получая эти наслѣдственные земли, называли ихъ *отчина*, *дѣдина*, т. е. брали ихъ какъ семейный надѣлъ.

⁸⁾ Памятники дух. лит. времени вел. кн. Ярослава I. Москва. 1844 г. Стр. 76-я.

Преобладаніе семейственности въ такомъ быту очевидно. На одной землѣ свой народъ составлялъ одно *семейство* — племя, съ княземъ — *отцомъ* во главѣ, коему были наследниками *дѣти* — князья, по старшинству: изъ нихъ старшій былъ *надъ* всѣми съ правомъ власти *отца*.

Первоначально князь былъ одинъ, а затѣмъ, съ раздѣленіемъ Руси на удѣлы — области — княжества, явились многие князья, но между ними, по родовому праву, неизбежно долженъ былъ возвыситься и дѣйствительно возвышался одинъ надъ всѣми, съ наименованіемъ *великій*, какъ подчинившій меньшихъ или младшихъ. Князья спорили, ссорились и боролись изъ-за власти, но, собственно, не изъ-за перемѣны ея характера и достоинства, а изъ-за мѣры и силы оной, каждому желалось быть *великимъ*, только *какъ одинъ надъ всѣми*, но не какъ *единый только*. И уже въ послѣдствіи единый великій князь, естественно, стремился быть *только единымъ* княземъ, съ полнымъ устраненіемъ отъ власти всѣхъ другихъ или съ безусловнымъ подчиненіемъ всѣхъ исключительно только своей власти державной. И такимъ онъ сталъ дѣйствительно съ наименованіемъ „князь великій всея Руси“. А при усиленіи, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, этой единой своей власти, князь всея Руси сталъ царемъ ея и, наконецъ, даже самодержавнымъ.

Точно также и Митрополитъ первоначально былъ одинъ. Съ распространеніемъ предѣловъ Русской церкви митрополитовъ стало нѣсколько, но между ними всегда былъ старшій, съ наименованіемъ „Митрополитъ всея Руси“. Старшаго митрополита впослѣдствіи замѣстилъ патріархъ, т. е. именно *отецъ отцовъ* Русской церкви, по смыслу самаго наименованія „патріархъ“, а какъ такой, онъ сталъ и главой Россійской церкви, вполне самостоятельной.

Однако, при такомъ развитіи той и другой власти, ихъ взаимная преданность отнюдь не ослабѣвала, ибо объединялась и поддерживалась любовью, со стороны князя — къ церкви, со стороны митрополита — къ государству. Это особенно ярко проявлялось въ эпоху бѣдствій, какія переживали и народъ Русскій, и русская церковь, — преимущественно во времена монгольскаго нашествія и татарскаго ига.

Кому не извѣстны наши князья-страстотерпцы, положившіе свою жизнь за святую Вѣру и за родную землю, — за весь русскій народъ, какъ за свое родное семейство?!

Но, если таковы были князья, то таковыми же должны были быть и пастыри церкви, особенно архи-пастыри, коимъ

по преимуществу принадлежало наименованіе *отца*. — Такие пастыри дѣйствительно были и *полагали душу свою за овцы* — слагали голову за русскихъ людей, именно какъ за своихъ *дѣтей*. Припомнимъ, какъ съ истинно-христіанскимъ самоотверженіемъ и апостольскою ревностью о своемъ долгѣ скончался священно-мученикъ, митрополитъ Кіевскій Макарій.

Кіевскіе митрополиты, оставаясь въ предѣлахъ Виленскихъ (въ г. Новогрудкѣ), 100 лѣтъ не посѣщали Кіевъ, разоренный Батыемъ. „Макарій, одушевляемый святою ревностью къ пастырскому дѣлу, предпринялъ путешествіе въ Кіевъ. Ему говорили, что мѣстами рыщутъ татарскіе загоны (разъѣзды), грабятъ и убиваютъ прѣзжихъ и прохожихъ. Но Макарій не убоился, говоря: „я хочу исполнить мой святой долгъ, какъ архипастырь. Да будетъ на мнѣ воля Божія!“ — И это путешествіе дѣйствительно стоило жизни Святителю. Плыва со своими спутниками по р. Припяти, Святитель остановился въ селѣ Скриголовѣ для совершенія божественной литургіи. Во время литургіи получено было извѣстіе о внезапномъ нападеніи невѣдомо откуда взявшихся татаръ. Когда находившіеся во храмѣ доложили объ этомъ Святителю, совершавшему службу Божію, онъ мужественно отвѣчалъ имъ: „спасайтесь, *дѣтки*, а мнѣ нельзя, я отдаю себя волю Божіей“. Поручивъ себя волю Божіей, Святитель продолжалъ совершать литургію. Ворвавшіеся въ храмъ татары схватили Святителя Божія и *обезглавили* его у алтаря Господня.“⁹⁾

Такъ, Митрополитъ — „отецъ“, а его паства — его дѣти, даже „дѣтки“! — Вотъ идеаль не только духовнаго пастыря и вождя вѣрующихъ, но и *отца* ихъ. Таковыми были и многіе другіе — Митрополиты Алексій и Филиппъ, патріархъ Гермогенъ и др. И этотъ идеаль митрополита — пастыря и *отца* остался въ сознаніи и памяти народа навсегда!

УИ.

Если христіанство должно было укрѣпить внутреннюю связь общества, то и представители государства и церкви должны были быть въ тѣснѣйшемъ единеніи между собой. Чѣмъ далѣе развивалась государственная и церковная жизнь

⁹⁾ Прот. І. Корольковъ. Кіевскій Митрополитъ священно-мученикъ Макарій, и его значеніе въ исторіи юго-западной церкви. Кіевъ. 1897 г. Стр. 28—30.

русскаго народа, тѣмъ болѣе должно было крѣпнуть и крѣпло это единеніе оныхъ. Съ одной стороны, князь, будучи главой общины—княжества, какъ отецъ семейства, долженъ былъ охранять главнѣйшій интересъ этой общины, ея религіозный строй, иначе говоря—онъ долженъ былъ стать главнымъ и самымъ бдительнымъ стражемъ церкви и еще болѣе бдительнымъ защитникомъ ея отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Съ другой стороны, и митрополитъ, какъ духовный глава всея Руси, долженъ былъ содѣйствовать укрѣпленію княжеской власти, по самому значенію религіи въ отношеніи ея къ созданію общественнаго строя.—Такъ это и было въ исторической дѣйствительности въ нашемъ народѣ, и—не только въ эпоху княжескую, но и царскую: издѣсь одна власть укрѣплялась другой, а обѣ были тверды въ единеніи со своей родной землей, какъ со своимъ семействомъ.

Великій князь, содѣлавшись царемъ, какъ единый такой на всей землѣ, долженъ былъ, однако, укрѣпить свое положеніе согласіемъ народа—*всей земли*. Исторія показываетъ, что власть князя—царя основывалась дѣйствительно на единеніи его съ народомъ—со всей землей. Это единеніе окончательно упрочилось *земскимъ соборомъ*,—при царѣ Иванѣ IV.

Не одна современная потребность побудила царя Ивана IV-го къ созванію этого земскаго собора въ Москвѣ: причины того лежали въ самой исторіи и почти шести-сотъ-лѣтней жизни Русской „земли“. Причины сіи скоплялись 584 года, отъ самаго призванія Рюрика, перваго варяго-русскаго князя. Земскій соборъ долженъ былъ увѣнчать и увѣнчалъ собою объединеніе Русской земли.—Первый земскій соборъ въ Москвѣ далъ царю *необходимую* опору для развитія своей власти, такую опору, на которой царская власть могла держаться твердо,—безъ опасенія отъ какихъ-либо притязаній; ибо послѣ собора за нее уже явно стояла воля всей русскаго земли, заявившая себя на соборѣ на сторонѣ царской власти.—На первомъ земскомъ соборѣ Москва ясно увидала, что она уже выросла изъ Москвы до *всей Русской земли* и что, слѣдовательно, собственно московскій строй уже для нея узокъ, она должна принять строй всей Русской земли съ царемъ *всей Руси*, т. е. съ однимъ главой всей Русской земли, а не прежнимъ великимъ княземъ Московскимъ и всей Руси.—Такимъ образомъ, первый земскій соборъ имѣлъ значеніе полного утвержденія самодержавной власти царя волею всей Русской земли, собранной въ 1548 году въ Москву, въ лицѣ

своихъ выборныхъ, тогда только *исключительно* русскихъ, представителей.¹⁰⁾

Съ другой стороны, первый земскій соборъ въ Москвѣ имѣлъ большое значеніе для *всей* Русской земли. Русская земля на этомъ соборѣ узнала *вполнѣ*, что она составляетъ *одно* нераздѣльное *цѣлое*, что у ней одни интересы, и что сіи интересы тѣсно связаны съ Москвою. На первомъ земскомъ соборѣ и Новгородецъ, и Псковитянинъ, и Смоленянинъ, и Рязанецъ ясно увидали, что они также *дѣти* Русской земли, какъ Владимирецъ, Нижегородецъ, Ростовецъ и Москвичъ, и что Москвичъ не владыка ихъ, не завоеватель, а прямой *родной братъ*, что всѣ они *дѣти* одной земли Русской, безъ привилегій, безъ особыхъ правъ одинъ надъ другимъ. На первомъ же земскомъ соборѣ они узнали, что врознь имъ жить уже нельзя, что всѣ они должны жить вмѣстѣ, подъ одною властію, нести одни обязанности, пользоваться одними правами и тянуть къ Москвѣ, какъ общему центру, что всякое отдѣленіе отъ Москвы для нихъ должно ровняться самоубійству. — Наконецъ, на первомъ земскомъ соборѣ для *всей* Русской земли отыскался общій органъ, чрезъ посредство котораго она можетъ заявлять свои желанія и нужды, но съ тѣмъ вмѣстѣ на первомъ же земскомъ соборѣ ясно обозначилось, что этотъ общій органъ всей Русской земли долженъ оставаться въ рукахъ Верховной власти, которая должна обращаться къ нему, какъ къ своей опорѣ и утвержденію, во всѣхъ важныхъ случаяхъ, чтобы дѣйствовать *за одно* съ волею и голосомъ всей Русской земли. Царь Иванъ Васильевичъ распустилъ первый земскій соборъ съ полною увѣренностію, что Русская земля поддержитъ его въ случаѣ надобности.¹¹⁾

Но, исторически сложившееся, и теперь такъ окрѣпшее единеніе между царемъ и всей Русской землей что такое представляло собою? — Очевидно, съ этого времени вся Русская земля, сложившаяся въ единое царство, представляла собой единое *семейство* съ единымъ *отцомъ* — царемъ. Это и такое единство было самымъ желательнымъ, слѣдовательно — *идеальнымъ* и въ эту эпоху, царскую.

¹⁰⁾ Проф. Ив. Бѣляевъ. Земскіе соборы на Руси. Рѣчь, читанная 12-го Января 1867 года на торжественномъ актѣ (въ Импер. Москов. Университетѣ). Стр. 2 и 15-я.

¹¹⁾ Проф. Ив. Бѣляевъ, Тамъ же, стр. 15—16-я.

Такое единение власти вѣнценосца съ народомъ, какъ своего рода брачный союзъ, окончательно укрѣпилось однако только *благословеніемъ* Церкви.

Хотя иностранные государи въ грамотахъ своихъ очень часто давали Русскимъ великимъ князьямъ титулъ царя, хотя Иванъ III-й, во вѣшнихъ сношеніяхъ своихъ съ Европейскими Государями и съ азіатскими владѣтелями, именовалъ уже себя царемъ и вѣнчалъ на великое княженіе внука своего Дмитрія; однако, Государи русскіе *постоянно* начали именоваться царями въ актахъ и вѣшнихъ и внутреннихъ только съ того времени, какъ Православная наша церковь, въ лицѣ всего *собора* Русскаго духовенства и *первосвященителя* своего, Митрополита Макарія, благословила на царство Великаго князя Ивана IV-го Васильевича.¹²⁾

Должно замѣтить, что Иванъ IV-й, по свидѣтельству лѣтописи, вѣнчалъ на царство *прародителя* своего вѣнчаніемъ царя и великаго князя Владиміра Мономаха — животворящимъ крестомъ и царскимъ вѣнцомъ и діадимомъ, „*еже древле* тѣмъ животворящимъ крестомъ и царскимъ вѣнцемъ и діадимомъ вѣнчалъ бысть на царство Русское *прародитель* его князь великій Владимиръ, нареченъ въ царской порфирѣ Мономахъ“. Такъ говоритъ лѣтописецъ и дважды отмѣчаетъ связь вѣнчанія царя съ его прародителемъ. И самый престоль великаго князя именовался „*столь отній*“ и даже — „*отній и дѣдній*“.¹³⁾ Этимъ указывалось не только на непосредственное преемство во времени, но и на самое значеніе *наслѣдства* прародительской власти, — именно, какъ на родовое — семейное наслѣдство, причемъ родство составляло залогъ священный, безспорный, при „вѣнчаніи животворящимъ крестомъ и царскимъ вѣнцомъ и діадимомъ“, слѣдовательно — при церковномъ вѣнчаніи и благословеніи, и это — „*издревле*“. Потому-то, желая сохранить такое наслѣдіе за своимъ потомствомъ, въ лицѣ его ближайшихъ представителей, и вел. кн. Иванъ III-й на великое княженіе *вѣнчаетъ* и своего внука.¹⁴⁾

¹²⁾ Кн. М. А. Оболенскій. Соборная грамота духовенства Православной Восточной церкви, утверждающая санъ царя за великимъ княземъ Іоанномъ IV Васильевичемъ 1561 года. Москва. 1850. Предисловіе. Стр. 1-я.

¹³⁾ Кн. М. А. Оболенскій. Тамъ же, стр. 1—2.

¹⁴⁾ Проф. В. Савва. Московскіе цари и Византійскіе василевсы. Харьковъ. 1901. Стр. 110—115.

Исторія показала, что всестороннее единение царя съ народомъ, благословляемое Церковью и служившее къ сильнѣйшему развитію царской власти, имѣло и свою отрицательную сторону: пользуясь безусловнымъ довѣріемъ и сыновнею, безпрекословною покорностью народа, царь Грозный, съ безапелляціонной отеческой властью распоряжался и самою жизнью своихъ подданныхъ, казнилъ ихъ безъ мѣры и числа... Но это самое и показывало рѣшительно, что царь, и въ самомъ гнѣвѣ своемъ, хотя уже и преступномъ, дѣйствовалъ съ властью отца: въ его распоряженіи, — какъ подъ охраной, такъ и подъ ударомъ его руки, — находилась самая жизнь его подданныхъ. Онъ охранялъ подданныхъ, какъ дѣтей, но и казнилъ ихъ также, какъ убилъ своего родного сына. Таковы были семейные нравы того времени: таковы и мѣропріятія государственной власти.

И такая царская власть, переходя въ крайность, однако, не теряла своего *семейнаго* характера, ибо эта самая крайность царской власти была обличаема въ самый моментъ ея крайнихъ дѣйствій, чѣмъ и уравнивался или снова становился ея семейный авторитетъ. То есть: когда до известной степени искажалась отеческая власть царя, то противъ этого злоупотребленія открыто выступала сила власти *духовнаго отца* — митрополита. Такъ и при Грозномъ. — Церковная власть, въ лицѣ своего достойнѣйшаго представителя, который съ истинно отеческою любовію относился къ народу, противопоставляла безумному гнѣву царя справедливое обличеніе. Правда, десница царская сокрушила высшаго представителя церкви, Митрополита Филиппа, но — и тѣмъ болѣе возвеличила авторитетъ власти духовнаго отца народа, того же Митрополита. Вѣдь, вскорѣ потомъ, при сынѣ Грознаго, уже возникла и осуществилась мысль о патріархѣ всероссійскомъ. Въ первый разъ открыто мысль объ учреженіи въ Москвѣ патріаршества была высказана русскими въ 1586 году, во время пріѣзда въ Москву за милостынею Антіохійскаго патріарха Іаковима, а въ 1589-мъ году уже былъ поставленъ первый патріархъ Русской церкви, и притомъ изъ своихъ родныхъ, русскихъ митрополитовъ, — Іовъ, несмотря на значительное противодѣйствіе тому патріарха Цареградскаго Іереміи, и на желаніе его лично самому быть патріархомъ на Руси. Народъ русскій хорошо понималъ, что грекъ не будетъ ему такимъ духовнымъ *отцомъ*, какимъ еще такъ недавно явилъ себя Митрополитъ всея Руси Филиппъ: а народу ну-

женъ былъ именно духовный „Отецъ-заступникъ“ и — полно-властный. Причиною возвышенія авторитета духовной власти до степени патріаршей было, конечно, не то, что русскіе тяготились своею зависимоію отъ патріарха Цареградскаго, и не то, что, по честолюбію, желали Москвѣ придать значеніе третьяго Рима, и т. п.¹⁵⁾ Нѣтъ: Русскіе по горькому опыту узнали изъ недавно-прошедшаго царствованія и предвидѣли, что и въ будущемъ нужна будетъ такая сильная духовная отеческая власть, которая могла бы, при крайней надобности, во имя воли Божіей, противостать царскому самовластию, какъ высшая отеческая власть патріарха, этого духовнаго царя. И государственная предусмотрительность русскаго народа не обманула его. Ближайшее будущее показало, какъ необходима была мощь патріаршей власти и — какъ она дѣйствительно благодѣтельна была въ лицѣ Гермогена и Филарета. Слѣдовательно, и въ этомъ чрезвычайномъ историческомъ обстоятельстве, въ поставленіи патріарха на Руси идеалъ Русскаго народа — его семейственный характеръ сказался во всей своей силѣ и правдѣ.

VIII.

Вообще, на широкихъ волнахъ океана исторической жизни и корабль Русскаго государства сильно колебался, накренивался, но — не шель ко дну.

„Смутное время“ представляло ожесточенную борьбу Русскихъ „прямыхъ“ и „кривыхъ“, всю хитрость политики ложныхъ властителей, всякаго рода клятвопреступность и пр., — гибло тогда государство, но — не погибъ Русскій народный идеалъ: народъ, съ Мининымъ во главѣ, пригласилъ князя Пожарскаго и онъ спасъ отечество; а на стражѣ царства и церкви православной, при отсутствіи царя, стоялъ патріархъ несокрушимой воли и святой совѣсти, Гермогенъ. — И вотъ, послѣ столь бѣдственнаго и грознаго испытанія Отечества, Промыслу Божію угодно было, наконецъ, соединить власть мірскую и духовную, царскую и патріаршую, въ лицѣ родныхъ отца и сына. Это были патріархъ Филаретъ и царь Михаилъ, сынъ его — патріарха — не только по духу, но и по плоти. Больше тѣснаго единенія, конечно, и быть не можетъ.

¹⁵⁾ Проф. Н. Каптеревъ. Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Москва, 1885 г. Стр. 37—38 и слѣд.

Вотъ *анонсъ* — высочайшее завершение единства русской, семейственной общности народа, а вмѣстѣ и наидышше выражение народной воли и народнаго идеала: ибо эти царь и патріархъ были непосредственными избранниками всей русской земли, и — какъ таковые, съ ней и между собой они составляли самое тѣсное единствіе. Это были: отецъ — страдалецъ, отдавшій самоотверженно свою жизнь за русскую землю, и сынъ, самоотверженно отдавшій свою жизнь волю народной; это были, очевидно, самые искренніе хранители св. Вѣры и печальники — защитники — Русской земли. И понятно, почему крестьянинъ Иванъ Сусанинъ, съ такою сыновнею преданностію, предалъ свою жизнь за юнаго еще, только избраннаго, царя Михаила; Сусанинъ „положилъ свой животъ за царя — спасителя Вѣры и Царства“, какъ гласитъ надпись на монументѣ этому истинно-русскому челоуѣку, истинному представителю Русской земли.

Такое идеальное единеніе царской и патріаршей власти въ лицѣ столь достойныхъ лицъ, какъ Михаилъ и Филаретъ, развѣ имѣвшее мѣсто въ исторіи и давшее прекрасные плоды въ жизне-дѣятельности государственнаго организма, уже не могло забываться; напротивъ, оно и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ воспитывало ту же преданность отеческой власти дари, которую особенно проявляли духовные вожди народа и преимущественно въ бурное, „мятежное“ время. Такъ это было въ началѣ XVII вѣка, такъ же было и въ концѣ его — при царѣ Алексѣѣ.

Здѣсь нельзя не вспомнить знаменитѣйшій подвигъ самоотверженной преданности царской власти Преосвященнаго Іосифа, Митрополита Астраханскаго и Терскаго, во время бунта атамана Стеньки Разина. И если крестьянинъ Иванъ Сусанинъ положилъ свою жизнь за царя Михаила, то Митрополитъ Іосифъ еще съ большимъ самоотверженіемъ принесъ себя въ жертву; ибо онъ въ собственномъ смыслѣ преданъ былъ огню за царя Алексѣя. — Вотъ какъ документально вѣрно разсказывается объ этомъ подвигѣ Святителя Іосифа.

Въ 1671 году 11 Мая Пр. Іосифъ совершалъ въ соборномъ храмѣ въ Астрахани литургію. Мятежники — казаки Разина ворвались въ храмъ и потребовали къ себѣ въ кругъ Митрополита. Владыка вышелъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ; и протяжный звонъ колокола началъ созывать городскихъ священниковъ. Но когда одни собирались медленно, а другіе и совсѣмъ не являлись изъ страха, то, не

ожидаѣ ихъ, Преосвященный вошелъ въ разбойничій кругъ только съ соборнымъ духовенствомъ. Злодѣи обличали Митрополита въ мнимой измѣнѣ и, не смотря на завѣренія его, что ихъ обличенія ложны, злодѣи рѣшили подвергнуть его пыткамъ и—казни, но не рѣшались сами разоблачить его. Преосвященный самъ сталъ разоблачаться и остался въ одной ряскѣ. Казаки, выгнавъ изъ круга весь церковный причетъ, повели Святителя пытать на зеленый дворъ, гдѣ и принялъ его палачъ. Связавъ Митрополиту руки и ноги и продѣвъ между ними дерево, палачъ повалилъ его на пылающій костеръ, въ одной черной суконной свиткѣ. Свитка загорѣлась; нетерпѣливый злодѣй разорвалъ ее въ куски, и жегъ Святителя нагого, дерзновенною ногою наступивъ ему на чрево. Тщетно требовалъ палачъ, чтобы великодушный страдалецъ сознался въ измѣнѣ: Митрополитъ не отвѣчалъ ни слова. Невещественный огонь, которымъ пламенѣла душа его, возносившаяся въ громкихъ моленіяхъ къ небесамъ, препобѣждалъ огонь, возженный руками убійцы и возмогавшій надъ бранными его членами. Онъ приносилъ всего себя во всесожженіе Всевышнему, какъ жертву благоприятную, какъ кадило благовонное, и палачу—извергу грозилъ судомъ Божиимъ. Разбойники, опасаясь, что онъ слишкомъ скоро разстанется съ жизнью, хотѣли продлить торжество свое, и, для устрашенія жителей, казнить Митрополита всенародно... Укрѣпляемый живою вѣрью и несомнѣннымъ упованіемъ на вѣнецъ, приготовляемый ему Царемъ небеснымъ за вѣрность царю земному, Преосвященный Іосифъ изъ челюстей одной смерти потекъ въ другую. Переноса съ удивительнымъ терпѣніемъ ѣдкую и мучительную боль, причиненную истязаніемъ, онъ шель тихо и нѣсколько прихрамывалъ... Продолжая шествіе, онъ остановился, для послѣдней молитвы, предъ соборной церковью, и затѣмъ возведенъ на мѣсто казни. Злодѣи положили его бокомъ на край раската и свергли долу. . Свершилось ужасное беззаконіе! Не стало великаго Архипастыря! Сами разбойники устрашились своей дерзости и не могли не только произнести ни одного буйнаго восклицанія, но даже и вымолвить слова. Они стояли, какъ осужденные, склонивъ голову и потушивъ взоръ... Протоіерей собора, при пособіи другихъ освященныхъ лицъ, внесъ почившаго въ Возвѣ Митрополита въ соборную церковь на коврѣ, въ одной ряскѣ, которую падѣли на него послѣ пытки. Освидѣтельствовали раны и нашли, что вся спина, ноги и часть чрева сожжены до черна, съ большими отъ огня

пузырями; волосы на головѣ и на бородѣ подпалены. Въ этой самой ряскѣ облачили преставленнаго въ Святительскія ризы и положили во гробъ. — „Миръ праху Твоему, дивный Святитель Божій, восклицаетъ описатель кончины этого Святителя, въ заключеніи своего описанія—да сохранится въ вѣкахъ священная память твоя!—Пусть сыны Россіи, до позднѣйшихъ родомъ, соревнуютъ непоколебимости духа твоего. Страданіе и мученическая кончина твоя да послужатъ имъ всегдашнимъ дѣйственнымъ примѣромъ покорности властямъ, поставленнымъ отъ Бога; и наконецъ, да познаютъ всѣ изъ твоего великаго подвига, что истинная вѣра въ святое Откровеніе, неизмѣнная *вѣрность Государю* и пламенная любовь къ Отечеству пребываютъ нераздѣльно.“¹⁶⁾

Вотъ та покорность Промыслу Божию и преданность волѣ и власти Государя, блестящіе образцы которыхъ представила древняя Русь!—Но не есть ли это именно *идеальная преданность власти Царя, какъ отца Отечества?*—

IX.

Всецѣлая преданность и безусловная покорность царской власти, столь глубоко залегавшія въ жизни древней Руси, созидавъ крѣпкое единство Государства, служили основаніемъ къ дальнѣйшему—прямому и естественному—развитію изъ такой власти уже и неограниченнаго самодержавія, каковое и послѣдовало дѣйствительно при дальнѣйшемъ ходѣ исторической жизни Русскаго Государства.

Сынъ царя Алексѣя, Петръ 1-й, пользуясь много-различными обстоятельствами, довелъ развитіе власти царской до ея крайняго предѣла: изъ родительской, княжеской и царской она стала, наконецъ, императорской и притомъ совершенно неограниченной. Являясь завершеніемъ предшествующихъ стадій развитія, и эта императорская власть, однако, не потеряла въ существѣ своемъ характера отеческой: и именно Императоръ Петръ I былъ названъ *Отцомъ Отечества*, —за всѣ свои великіе труды на пользу онаго.

Неограниченность самодержавной Императорской власти Петра I выразилась самымъ нагляднымъ образомъ въ устра-

¹⁶⁾ К. П. Ш. Ш. Смерть Преосвященнаго Іосифа, Митрополита Астраханскаго и Терскаго. Въ „Трудахъ Императорской Россійской Академіи“. Ч. V-я. 1842 г. Стр. 107—113.

нені патріарха; и въ этомъ сказалось лишь развитіе царскаго самодержавія до крайности. Если отецъ Петра, „тишайшій“ царь Алексѣй Михайловичъ напелъ возможнымъ и рѣшилъ низложить патріарха, знаменитаго Никона, то сынъ „тишайшаго“ Царя, энергичнѣйшій императоръ Петръ, конечно, не могъ остановиться ни предъ какими затрудненіями при намѣреніи — совсѣмъ устранить патріаршество — въ цѣляхъ безграничнаго прогрессиванія, опиравагося исключительно на его безусловную власть: а достигнуть того было теперь проще и легче, — стоило только не назначать новаго патріарха на мѣсто умершаго: и никто изъ митрополитовъ, равныхъ между собою, конечно, не посмѣлъ заявить о своемъ желаніи быть патріархомъ.. Петръ дѣйствительно устранилъ патріарха и, по его словамъ, „учредилъ и сочинилъ Духовный Синодъ.“ Такое дѣяніе Петра не было противорѣчьемъ ни догматамъ вѣры, ни исторіи Русской церкви; напротивъ, это было даже, до нѣкоторой степени, возвращеніемъ къ старинѣ, хотя и не вполне: ибо хотя патріарху предшествовалъ митрополитъ, но *всѣ* Руси митрополитъ; Петръ не возстановилъ *все-россійскаго* митрополита, а учредилъ Синодъ — коллегію, по характеру своего строя, не имѣвшую *примпра* въ исторіи нашей церкви. Оттого, при видимомъ возвращеніи къ старинѣ, народъ не сочувствовалъ церковной реформѣ Петра, — народу „это было не по душѣ,“ ибо народъ искони привыкъ и склоненъ былъ видѣть одного главу или одного „отца“ во главѣ церковнаго управленія, если не патріарха, то *одного* главнаго Митрополита.

Неограниченность императорской власти Петра, въ подобныхъ дѣйствіяхъ ея, имѣла и ту крайность, что именно разобщала его съ народомъ: онъ царствовалъ уже не *съ* народомъ, а *надъ* народомъ, — иной разъ не справляясь съ его волей, а управляя *сверхъ* его воли или даже совершенно ею пренебрегая. Оттого и народъ, почитая его за многія услуги для Россіи, не прощаль ему измѣненія нравовъ, отмену обычаевъ и пр. — Такое разобщеніе Императора съ народомъ шло въ-ширь и въ-глубь и, съ теченіемъ времени, породило множество дурныхъ послѣдствій: усиленіе раскола, развитіе бюрократіи, поверхностное усвоеніе Европейской культуры, и пр. и пр. И все это, чѣмъ дальше шло, тѣмъ хуже становилось. Чрезъ два столѣтія послѣ Петра создалась обширнѣйшая Россійская Имперія, но имѣющая коренное различіе съ истинно *русскимъ* царствомъ, что особенно выражается въ различіи самодержавія царскаго отъ императорскаго.

Одинъ изъ современныхъ глубокихъ мыслителей и тонкихъ въ словѣ писателей, анализируя понятіе „Самодержавія“, о различіи собственно царскаго самодержавія отъ императорскаго разсуждаетъ такъ:

Идеаль императорскаго самодержавія представляетъ абсолютизмъ римскихъ императоровъ. Римская республика досрела до такихъ размѣровъ и составила изъ такихъ разнородныхъ стихій, что появленіе въ ней единовластія было лишь результатомъ необходимости какъ-нибудь удержать, въ связи съ недостаточно сильнымъ центромъ, непомѣрно крупныя члены, связанные съ Римомъ на живую нитку. Оттого римскіе императоры являютъ изъ себя не органическое, а утилитарное явленіе: они преемственные диктаторы... Опасность распадена имперіи сдѣлалась хронической и она вызвала учрежденіе хроническаго диктаторства—имперіи. Это кесарство римское обратилось современемъ въ вѣчный идеаль, къ которому „внутренне“ стремится всякій властитель, могущій и не могущій его осуществить. Всякая иная власть: королевская, царская и т. д. съ тѣхъ поръ кажется уже всегда не полной; ибо только императорско-римскій абсолютизмъ выражаетъ собою чистую идею ни чѣмъ не сдѣняемой, неограниченной власти,—власти, почитающей себя „альфой и омегой всякой человѣческой дѣятельности,“ источникомъ благъ... Римскаго образца властитель считаетъ себя въ правѣ быть—и даже утверждаетъ себя, что онъ долженъ быть равно близокъ всѣмъ разноплеменнымъ подданнымъ и они ему; а этого можно, конечно, достигнуть только посредствомъ отрѣшенія себя отъ той зависимости отъ народа *основного*, которая такъ тягостна тому, кто кесарству причастенъ. Къ этому идеалу римскаго кесарскаго абсолютизма власть всегда стремилась на западъ“. ¹⁷⁾

Петръ I-й внесъ къ намъ, говорить дальѣ тотъ же мыслитель, тѣ западныя понятія о строѣ государства, которыя должны вызывать развитіе идеи *народо-правства*, какъ протеста противъ нихъ. Этого древняя Россія не опасалась: Цари ея не считали себя „альфой и омегой,“ но по этому самому они и не считались съ „народо-властіемъ“. Они знали, что Царь и народъ *едино*; и поэтому между головой и членами государства была живая органическая связь, устранившая всякую мысль о противовѣсахъ. Нужно было дикую

¹⁷⁾ „Самодержавіе“. Опытъ схематическаго построена этого понятія, Д. Х. *** Изд. 2-е. Москва. 1905 г. Стр. 9—11-я.

Петровскую бурю, чтобы эту гармонию разрушить; но, къ счастью, прививъ личныя понятія ближайшему и подручному сословию, онъ не успѣлъ исказить народныхъ понятій, благодаря чему даже „имъ заверченный“ крѣпостной строй не могъ отнять у народа самаго дорогого залога его государственной мощи—полнаго довѣрія къ Царю, какъ къ тому, въ комъ онъ видитъ воплощеніе своего народнаго единства и органической внутренней связи.¹⁸⁾

Но, если это—такъ, то слѣдуетъ, что Петръ не исказилъ русскаго народнаго идеала—единенія семейственнаго.

„Въ органическомъ строѣ государства, по словамъ того же мыслителя, Царь—Глава, народъ—члены, требующіе, для правильнаго дѣйствія своего, „взаимодѣйствія“ и „органической“ связи, при наличности которыхъ „свобода“ власти не исключаетъ зависимости своей отъ общихъ всему народному организму началъ; при ней же свобода власти—не произволь, а зависимость народа—не рабство. Въ древней Россіи, когда государство расширилось на счетъ сосѣдей, оно не измѣняло своему основному характеру Русскаго царства, т. е. не приближалось къ новопріобрѣтеннымъ подданнымъ (хотя бы таковыя были близки по народности, какъ, напримеръ, Малороссы), а оставляло ихъ въ положеніи подчинившихся.—Царь относился къ нимъ черезъ, такъ сказать, свой народъ, а не становился къ нимъ лицомъ къ лицу, ибо онъ былъ отъ своего народа не отдѣльно (т. е. какъ отецъ отъ семейства): Царь могъ принять подъ свою руку инородцевъ, но самъ оставался только русскимъ Царемъ, а не непосредственнымъ ихъ владѣтелемъ. Но, какъ только явилась и насадилась идея императорства, носитель ея спѣшитъ стать въ непосредственныя отношенія личныя со всѣми входящими въ его царство элементами, тѣмъ самымъ дѣлаясь „всяческая во всѣхъ...“ Императору всѣ подданные одинаково дороги, т. е. онъ одинаково близокъ (и одинаково далекъ) ото всѣхъ; ибо нельзя, не отрѣшившись вовсе отъ всякой спеціальной народности, быть одновременно національнымъ вождемъ какихъ-нибудь двадцати народовъ и инородцевъ. Но императорство именно на этомъ и стоитъ: оно паритъ надъ народами, которые ему подвластны, не живя исключительно жизнью того народа, который одинъ есть истинный создатель

¹⁸⁾ Тамъ-же, стр. 11—12-я.

государства, ему соименнаго, забывая, что оно только потому само существуетъ, что извѣстный народъ его въ себѣ зачалъ (по не какъ императорство), подъ условіемъ того, что онъ будетъ *крѣпокъ* ему, его обычаямъ, понятіямъ, вѣрѣ. До сихъ поръ, у насъ, къ счастью, народъ еще не утратилъ вѣру въ царя, какъ православнаго царя, т. е. царя русскаго по преимуществу, и *только русскаго*.¹⁹⁾

Но если и это вѣрно, — а намъ невольно думается, что это совершенно справедливо, — то необходимо слѣдуетъ и очевидно, что въ народѣ, — не смотря и на реформы Петра, собственные понятія его — народа — не исказились, — полное довѣріе его къ Царю не отнято, — вѣра его въ Царя православно-русскаго не утратилась; слѣдовательно, въ народѣ *сохранился его идеалъ* единенія съ Царемъ, съ характеромъ *исконной семейственности*.

X.

Спрашивается: если русскій народъ, переживая эпоху императорскаго самодержавія, не потерялъ своего политическаго идеала, то не потерялъ ли онъ своего патриархальнаго нравственнаго облика? — не измѣнилъ ли онъ въ своей частной жизни своему *идеалу*? — Нѣтъ, совершенно нѣтъ!

Въ своемъ внѣшнемъ, этнографическомъ типѣ и въ душѣ своей народъ остался *и досель* такимъ, какимъ былъ давнымъ-давно, или, какъ онъ самъ выражается, *испоконъ вѣковъ*. Объ этомъ, прежде всего, свидѣтельствуетъ его собственный языкъ. Прислушайтесь къ его говору и вы услышите, что русскій человекъ ко всякому встрѣчному и поперечному, совершенно неизвѣстному человеку, обыкновенно, обращается съ наименованіемъ: дядюшка, тетюшка, батюшка, дѣдушка, матушка, бабушка, или еще проще — родимый, братъ, кумъ, свать и т. п. Не суть-ли это отзвуки сѣдой старины? — конечно: это — отзвуки семейныхъ — родовыхъ отношеній; это ласкательныя, а слѣдовательно, дорогія, милыя названія.

Еще больше слѣдовъ отдаленной старины открывается, когда присмотримся къ облику народа, — тѣлесному и нравственному. Припомнимъ, что говоритъ одинъ изъ древнѣйшихъ Византійскихъ писателей о славянахъ, Прокопій (VI-го вѣка). —

¹⁹⁾ Тамъ-же, стр. 12—13-я.

„Славяне, говоритъ Прокопій, тѣломъ весьма бѣлы, волосомъ ни желты, ни черны, по всѣ русоваты; питались одною сухою и простою пищею, и были въ безпрестанной нечистотѣ; совсѣмъ не вѣробны были и не лукавы, и въ простотѣ“...²⁰⁾ Таковы были предки наши *славяне* еще въ половинѣ VI-го вѣка по Р. Хр.—Тоже можно наблюдать и въ современномъ русскомъ народѣ—въ XX-мъ столѣтїи! —

Одинъ изъ нашихъ писателей и лучшей знатокъ народной души и жизни, Ф. М. Достоевскій говоритъ слѣдующее:

„Судите нашъ народъ не по тому, что онъ есть, а по тому, чѣмъ желалъ бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они—то и спасли его въ вѣка мученій, они срослись съ душой его искони и наградили ее на—вѣка *простодушіемъ* и *честностью*, искренностью и широкимъ, всестороннимъ умомъ, и все это въ самомъ привлекательномъ, гармоническомъ соединенїи.—Русская душа, геній народа русскаго можетъ быть наиболѣе способны изъ всѣхъ народовъ вмѣстить въ себѣ идею всечеловѣческаго *единенія*, *братской* любви, трезваго взгляда, прощающаго враждебное, различающаго и извиняющаго несходное, снимающаго противорѣчїя. Это не экономическая черта и не какая-либо другая; это лишь нравственная черта, и можетъ ли кто отрицать и оспорить, что ея нѣтъ въ народѣ Русскомъ?—Народъ нашъ любитъ правду для правды, а не для красн. И пусть онъ грубъ и безобразенъ, и грѣшенъ, и не примѣтенъ, но приди его срокъ, и начнись дѣло всеобщей правды, и—васъ изумитъ та степень свободы духа, которую проявитъ онъ предъ гнетомъ матеріализма, страстей, денежной и имущественной похоти и даже предъ страхомъ самой жесточайшей мученической смерти. И все это онъ сдѣлаетъ и проявитъ просто, твердо, не требуя ни награды, ни похвалы, собою не красуясь.—„Во что вѣрую, то и исповѣдую“.²¹⁾

XI.

Но если народъ, какъ это очевидно, несмотря на всякія переменны историческихъ судьбы, не потерялъ своего патрі-

²⁰⁾ Извѣстія Византійскихъ историковъ, объясняющія Россійскую исторію древнихъ временъ и переселенія народовъ; собраны Ив. Штриттеромъ. Ч. I я. О Славянахъ. С. П. Б. 1770 г. Стр. 15; ср. 13—14—ю.

²¹⁾ Ф. М. Достоевскій. „Задачи Русскаго народа.“ Состав. по „Дневнику писателя.“ Л. П. Никифоровымъ, С. П. Б. 1891 г. Стр. 10, 15 и 17—я.

архальнаго облика, не забывъ своего идеала; то остался ли ему вѣренъ представитель и глава народа—Самодержавный Государь? подъ обаяніемъ своей неограниченной Самодержавной власти, не измѣнили ли Онъ русскому народному идеалу?—Нѣтъ, совершенно нѣтъ. Напротивъ: Государь Императоръ и только Онъ еще такъ недавно выразилъ этотъ идеалъ во всей точности и силѣ своего царскаго слова, именно—въ послѣднемъ своемъ манифестѣ, отъ 9-го Іюля сего 1906 года.—Въ концѣ манифеста, обращаясь къ народу, Государь съ особымъ удареніемъ восклицаетъ:

„Вѣрные сыны Россіи! Царь вашъ призываетъ васъ, какъ *отца своихъ дѣтей*, сплотиться съ Нимъ въ дѣлѣ обновленія и возрожденія нашей *святой* родины“.

Итакъ, Государь—*отецъ*, а подданные—Его вѣрные сыны; слѣдовательно, Россія есть единое *семейство*.

Это отраднo для истинно-русскихъ людей, а въ настоящее время чрезвычайно отраднo,—по тѣмъ слѣдствіямъ, которыя прямо вытекаютъ изъ такого идеальнаго взгляда.

Если въ данныхъ словахъ манифеста Государь выражаетъ свое идеальное отношеніе къ народу; если въ нихъ, слѣдовательно, явно отражается духъ единенія и характеръ семейственности всей тысячелѣтней исторіи Россіи, — а это намъ представляется очевиднымъ: то отсюда непременно слѣдуютъ выводы неоспоримые—такіе:

1. Сынами, *отрными* Россіи и Государю, могутъ быть только истинно-русскіе люди, т. е. единые между собой по крови и духу.

2. Сплотиться съ Государемъ, т. е. быть съ Нимъ въ *полнѣйшемъ* единеніи могутъ только истинные сыны Его и Россіи, т. е. единые съ Нимъ по крови и по религіи.

3. Въ возрожденіи и обновленіи *Святой* родины, именно какъ такой, могутъ участвовать исключительно только истинные сыны этой святой родины, т. е. только православные христіане, единые съ своимъ Государемъ отъ купели св. крещенія.

Наконецъ, — 4. Если единые съ Государемъ сыны Его и Россіи должны объединиться для исполненія Его воли—„въ дѣлѣ обновленія и возрожденія нашей *святой* родины“; то, въ *такомъ* дѣлѣ Государя и Его *сыновъ*, очевидно, не должно быть мѣста никому, кто *иной* съ ними крови и *иной* съ ними вѣры.

За справедливость всего этого ручается тысячелѣтняя исторія Россіи.

ХП.

Казалось бы, о русском народном идеаль нами сказано все. Но если таков идеаль нашего народа, то въ заключеніе—что сказать по поводу возбужденія современной прогрессивной,—какъ государственной, такъ и церковной, мысли?—Не пережилъ ли нашъ народъ самого себя? не лучше-ли для него оная форма общественнаго строя,—конституція или даже республика?

Но, вѣдь, эти и подобныя формы государственнаго строя не суть что-либо совершенно новое,—въ разныхъ видахъ они извѣстны изъ глубокой древности: и всемірная исторія положила на нихъ свой безпристрастный приговоръ. Въ отвѣтъ на вопросъ—какъ смотрѣть на эти формы?—припомнимъ, кажется, теперь всѣми забытое, но прекрасное мнѣніе объ этомъ одного изъ первыхъ профессоровъ Императорскаго Московскаго Университета, Хар. Андр. Чеботарева, который состоялъ при Университетѣ съ самаго его основанія и въ теченіи 50-ти лѣтъ! Обозрѣвая „величіе, могущество и славу Россіи“, проф. Чеботаревъ говоритъ: „Исторія, сія опытная и вѣрная наставница смертныхъ въ самонужнѣйшихъ правилахъ жизни, безчисленными вѣками утвержденныхъ, показываетъ вамъ, что наилучшее изъ всѣхъ, свойственнѣйшее существо обширныхъ областей, и выгоднѣйшее правленіе государствомъ, есть правленіе *самодержавное*.—Никакими хитросплетеніями нельзя закрыть того, что обнажаетъ сама Исторія, то есть, что и самыя республики имѣли величайшіе свои недостатки, что, между прочими злоупотребленіями въ оныхъ, утѣснялась также и въ нихъ добродѣтель, честность и даже самая любовь къ отечеству.— Но, впрочемъ, положимъ, что двѣли нѣкогда Русскія *Новгородская и Псковская* республики;—положимъ, какъ и сомнѣнія въ томъ нѣтъ, что въ самомъ дѣлѣ знамениты въ свое время были нѣкоторыя *Греческія* и въ особенності *Римская* республика; однакожь, не должно опускать изъ виду двухъ важныхъ притомъ обстоятельствъ: первое, что цвѣтущее ихъ состояніе, не выключая [даже Римской], было не продолжительное;—и самое общенародное правленіе въ оныхъ, при распротранявшихся ихъ владѣніяхъ, при умножавшемся ихъ богатствѣ, и при возрастаніи роскоши, сей губительницы простоты и чистоты въ правахъ, ослабѣвало, и собственною тяжестью преклонялось, наконецъ, къ стопамъ самодержавной власти.

— Филиппъ и Александръ, Юлій Цесарь и Октавій основали свои монархіи на развалинахъ республикъ.— Но если изящность вещи познается по ея прочности, по внутренней ея добротѣ и по продолженію ея бытія;— если золото, не однимъ блескомъ, не одною наружной красотой, но вмѣстѣ и внутреннею неизмѣняемостію въ своей сущности превосходитъ ржавѣющаго желѣза, разрушающагося самими стихіями и въ прахъ обращающагося;— если равномѣрно и о достоинствѣ образа править народомъ судить по его прочности, по его продолжительности: то лучшее, превосходнѣйшее изъ всѣхъ правленій будетъ то, подъ которымъ народы существуютъ и сохраняютъ бытіе свое *домовременнѣе*.— Великія монархическія царства, Персидское, на примѣръ, Египетское и другія, какъ постоянныя нѣкія свѣтила, на земномъ кругу нашемъ продолжительны были:— но республиканскія, общенародныя и всѣ смѣшанныя правленія, какъ кометы, являлись только, стояли на историческомъ горизонтѣ короткое время, и вскорѣ потомъ исчезали. Россія наша единоедержавная. И если ея править будутъ мудрые, неутомимо дѣятельные и мужественные Государи; то грядущія лѣта бытія ея предѣломъ себѣ поставятъ— бытіе міра!²²⁾

— Да! Русь самодержавною *зачалась* въ нѣдрахъ незапамятныхъ временъ. Русь самодержавною *родилась* и *крестилась*. Русь самодержавною *прожила тысячу лѣтъ!*— Да благословитъ же Господь святую Русь, въ *семейномъ* единеніи ея съ своими Государями, пребыть *самодержавною* и еще на многія тысячи лѣтъ!

Николай Троицкій.

Августъ, 26-е

1906 г. ТУЛА

Тула.

²²⁾ Проф. Хар. Андр. Чеботаревъ. Слово: Величіе, могущество и слава Россіи. Юня 30 дня, 1795 года. См. Рѣчи, произнесенныя въ торжественныхъ собраніяхъ Импер. Московскаго Университета русскими профессорами онаго, съ краткими ихъ жизнеописаніями. Изд. О. Л. Р. Ст. Ч. I. Москва. 1819. Стр. 357—360 я.

